

«У НАС ВСЕГО ПО ДВА, А ВОТ „КИНОТАВР“ — ОДИН»

АЛЕКСАНДР РОДНЯНСКИЙ, ПРЕЗИДЕНТ ФЕСТИВАЛЯ

Долгие годы «Кинотавр» существовал в большей степени как светское мероприятие, нежели как кинематографическое. Это была такая нашенская Ривьера: берег моря, звезды, красная ковровая дорожка, обсуждаемые романы... Но в Канне светская кутерьма не более чем витрина, побочный продукт индустриальной жизни, привлекающий к кинематографу, а венец всему — выход фильмов в кинопрокат. В России же проката не было. И «Кинотавр» в меру собственных сил и возможностей стремился заменить его — дать кинематографистам шанс выживания.

Когда мы начали заниматься фестивалем, казалось, что для нас, да и для всей зарождающейся киноиндустрии в целом, крайне важно будет принципиально изменить фокус с «тусовки» на кинематограф. Российскому кино была необходима точка входа — маркетинговый инструмент, каковым и является фестивальное движение. «Кинотавр» строили похожим на Каннский кинофестиваль, с гламуром и морем. Я же уверен, что нам нужен не Канн, а Сандэнс — рабочий фестиваль, дискуссионная площадка, где кино представлено в полном объеме: от незамысловатых жанровых картин до радикальных экспериментов.

«Кинотавр» постепенно оформляется как территория пересекающихся интересов: картину замечают дистрибуторы, отборщики киносмотров, пресса. Благодаря прессе на фильм обращает внимание зритель, не удовлетворенный доминированием однообразного кинорепертуара. Авторы и продюсеры имеют возможность строить судьбу фильма. В результате фестиваль играет роль «дорожной карты» для кинематографа. Именно так мы себе и видим нашу конечную цель. Поэтому мы когда-то и сочинили слоган: «Кинотавр — это настоящее российского кино».

Но это было семь лет назад — тогда мы считали, что началось возрождение кинематографа, что в обозримом будущем российский киношный междоубойчик трансформируется во внятную киноиндустрию. Поскольку этого не произошло, то сегодня правильнее было бы сказать: «Кинотавр — это будущее российского кино». Причем не только авторского кино, не только «артауса».

Нас часто упрекают в недостаточности в программе фестиваля жанрового зрительского кино. Но фестиваль — это прежде всего территория авторства, личностей, рассматривающих кино не только как бизнес, пытающихся говорить со своей аудиторией на актуальные для них темы. В арт-кино рождаются новые идеи, сюжеты, осваиваются территории, проговаривается время, выявляются герои. В идеале с багажом этих открытий талантливые люди уже рекрутируются мейнстримом. Там, упаковывая свои находки в приемлемые для массовой аудитории формы, они доводят свои идеи до широкой аудитории. Из плодородной почвы эксперимента рождаются феномены Даррена Аронофски, Гильермо дель Торо, Альфонсо Куарона, Алехандро Гонсалеса Иньярриту.

Мы с самого начала настроились прежде всего на волну нового, свежего кино. «Кинотавр» открыт для поиска в любой кинематографической зоне. От жанрового кино вроде работ Ани Меликян или Оксаны Бычковой до самых шоковых экспериментов, таких как «Волчок». Мы не отказываемся ни от качественной мелодрамы, ни от триллера, ни от умной комедии. У нас состоялись премьеры фильмов «Связь», «Человек у окна», «Мне не больно», «Жить». Это все разножанровые картины, имеющие отношение к мейнстриму, но за ними авторская позиция, штучное кино, а не конвейерное. Когда-нибудь у нас появятся по-настоящему талантливые российские жанровые фильмы, и, я уверен, снимать их будут бывшие победители «Кинотавра».

Все, что связано с работой фестиваля, сфокусировано на молодых, на рождении партнерства, поиске проектов. Один из эффективных инструментов — питчинг, когда проект фильма на стадии сценария сотням профессионалов

— Александр
Роднянский

публично представляют его авторы. И если проект заинтересовывает, он превращается в фильм и вскоре может появиться в конкурсе. Другой эффективно работающий механизм — это конкурс короткометражных фильмов. Талантливые режиссеры, которые побеждают в этой номинации, зачастую через пару лет возвращаются на фестиваль со своими полнометражными дебютами.

«Кинотавр» работает на будущее, и это видно по нашему конкурсу. Наши фавориты, конечно, принадлежат разным поколениям: от Гай-Германики до Бакурадзе и Мамулии. Да и в основном конкурсе всегда разброс поколений: от Прошкина, Миндадзе, Лунгина до Хлебникова, Попогребского, Мизгирева. Но в прошлом году в конкурсе было восемь дебютов.

Недавно в Variety вышла статья про нашу киноиндустрию. Она начинается словами «есть что-то шизофреническое в том, как обстоят дела в российском кинематографе». Это не новая мысль, как остроумно заметил отборщик Каннского кинофестиваля Жюль Шапрон, у нас действительно всего по два: профессиональных кинопремий, киносоезов, даже источников госфинансирования. И при этой двойственности — полная неопределенность с настоящим и будущим. А вот «Кинотавр» — один.

Он дает возможность профессионалам, встретившись, обсудить наболевшие вопросы, весь комплекс проблем, факторы выживания российского кино. На круглых столах собирается все киносоеобщество: от руководителей отрасли, ведущих режиссеров, продюсеров эпохи госкапитализма до радикально мыслящих авторов, режиссеров и дебютантов. Кроме того, фильмы нашей программы своего рода термометры, фиксирующие температуру общества.

В последние годы фестивальные фильмы заставили говорить об огромном количестве тем и контекстов, которые тонут в общем кинопотоке. Но вот собирается программа «Кинотавра», и оказывается, что для большого числа режиссеров, живущих отдельно друг от друга, важны родственные темы. Гастарбайтеры и богооставленность нашего пространства — «дикого поля», ощущение потерянности и разрыв поколений, проблемы, связанные с милицией... Задолго до того, как в обществе стали обсуждать состояние дел в МВД, а власть начала снимать пачками генералов, чуть ли не каждый год в нашей программе со всей остротой уже поднимались эти темы. Вспомните: «Кремень», «Груз 200», «Изображая жертву», «Сказка про темноту», «Счастье мое».

Фестиваль находит нервные окончания, те скрытые проблемы страны, которые еще не проявились. Кино дарит нам не только возможность получать эстетическое удовольствие, но и создавать представления о стране, в которой живешь, меняющейся ежечасно. И может быть, в чем-то даже менять положение дел. Одна из миссий нашего фестиваля — напоминать широкой аудитории — спасибо поддержке прессы, что существует не только кинематограф сферы потребления. Но и кинематограф как территория индивидуального творчества и авторского высказывания. Функция подлинного искусства — любого искусства — превращать толпу в каждого отдельного зрителя со своей позицией. «Кинотавр» этим и занимается.